

ПОЛИТКА

М.И.Лапицкий

БОЛЬШЕВИЗМ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ РАКУРС

А.С.Ахиезер, А.П.Давыдов, М.А.Шуровский, И.Г.Яковенко, Е.Н.Яркова.
Социокультурные основания и смысл большевизма. – Новосибирск:
Сибирский Хронограф, 2002. – 607 с.

Изучение истории большевизма в наши дни переживает застой, объясняющийся многими причинами, обсуждение которых требует, очевидно, особого разговора. Абстрагируясь от минусов и плюсов сложившегося и утвердившегося в нашей стране подхода к истории большевизма, заметим, что он обладает несомненной инерцией. Коллектив авторов нового исследования поставил перед собой задачу, как минимум, вырвать историю большевизма из сферы идеологизированных мифологических представлений.

Встречая монографическое исследование, написанное таким количеством авторов – пятью, неизбежно задаешься вопросом, не выполняет ли эта книга некие ритуальные функции, подводящие итог очередному периоду творчества авторов, не служит ли еще одним напоминанием о их существовании. Так бывает нередко, но к данному исследованию сказанное не имеет ни малейшего отношения. Несмотря на авторскую многоголосицу, книга обладает редкой монографической цельностью, стройностью и концептуальным единством с первой и до последней страницы. Столь завидной цельности далеко не всегда достигают авторы персональных монографических исследований.

Читатель, знакомый с работами авторов этой книги, без труда может заметить, что определяющей здесь является концепция российской истории Александра Ахиезера. Ему, похоже, принадлежит и львиная доля текста, что, к сожалению, не нашло отражения в выходных данных исследования.

В книге поставлены четкие вопросы, на которые даны достаточно четкие ответы. В значительной степени это стало возможным благодаря особой методологии исследования социокультурных процессов, позволившей анализировать российскую культуру через присущие ей значимые дуальные оппозиции, несущие нравственные противоположности, соответствующие формы напряжения, возможности конфликта. Принципиально новый взгляд на большевизм – книга недвусмысленно и оправданно претендует на новое осмысление истории большевизма, пересмотр его концептуальных оснований, самого смысла этого явления, его места и роли в российской истории –

стал возможен благодаря глубоким предварительным теоретико-методологическим исследованиям, публиковавшимся в журнале «Вопросы философии»,¹ а также в известном монографическом труде А.С.Ахиезера «Россия: критика исторического опыта», вышедшего во второй половине 90-х.²

Специфика исторического пути России, как убедительно показано в книге, вызвала в обществе не конфликт, а глобальный раскол, который породил и продолжает порождать дезорганизацию, саморазрушение социума. Вплоть до наших дней раскол пронизывает политические, хозяйственные, нравственные и многие другие сферы жизни.

Раскрытие сущности этого феномена – позвоночный нерв рецензируемого исследования, без этого не понять ее основной концепции. Авторы усматривают признаки раскола общества с момента появления государственности на Руси. На ранних этапах истории он пролегал между двумя формами вечевоего идеала – соборного и авторитарного, а позднее приобретал все более сложные и глубокие формы. Значение этого явления трудно переоценить, ибо оно особым образом структурирует формирующие смыслы, придает им «хромающий» характер, при котором в цепочке решений каждое последующее полностью или частично отменяет, отвергает предшествующее. Многочисленные катаклизмы, в том числе и большевистская революция, не устранили (и, возможно, усугубили) этот раскол, постоянно препятствующий прогрессу и периодическому обновлению общества и государства.

Значение изучения большевизма для понимания механизмов исторического процесса исключительно велико, так как этот феномен без сомнения является проявлением скрытого, недостаточно осмысленного, глубоко неблагоприятного состояния нашей страны, возникшего еще задолго до появления большевизма.

В рецензируемом исследовании прежде всего обращает на себя внимание методология, сфокусированная на анализе большевизма как субъекта смыслообразования, направленного на решение вполне утилитарной задачи, то есть на постоянные и достаточно изолированные попытки изменить содержание смыслообразования других социальных групп, общества в целом для того, чтобы тем самым максимально подчинить их своему собственному смыслообразованию – идеологии.

Как известно, каждая революция сама создает собственные предпосылки. Иными словами, ей свойственны необычные, часто парадоксальные причинно-следственные связи, в том числе (а, может быть, особенно) социокультурного характера. Октябрьская революция в России не исключение, а яркое подтверждение этого правила.

Для анализа такого феномена как большевизм, считают авторы, необходимо искать не столько новые факты, сколько задуматься над тем, что это за странное явление – большевизм, и что собой представ-

¹ См. Ахиезер А. С. *Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. №9.*

² Ахиезер А. С. *Россия: критика исторического опыта. От прошлого к будущему. – Новосибирск, 1997.*

ляет страна, которая не только жила более 70 лет под властью двусмысленности – причудливое переплетение архаической логики и логики модернизации, утопии и реализма, уравнилительной справедливости и распределения по труду; упрощение культуры и поощрение высокой культуры и т. д. – и, следовательно, с ней мирилась, и что это за страна, где еще и поныне значительная часть граждан мечтает о возврате к большевистскому прошлому, считая его «комфортным воплощением своих ценностей» (с. 24). Такая попытка соединения в обществе разрушающих друг друга противоположностей позволила решать некоторые задачи на сравнительно небольшом отрезке времени, но в конечном счете, как показывают авторы, «история большевизма есть, по сути, история того, как решалась задача формирования идеологии, направленной на интеграцию партии и общества, история мучительного развала этой интеграции, дезорганизации идеологии» (с. 70). Следовательно, победы большевизма были эфемерны и содержали в себе источники собственного разрушения.

«Смысл большевизма, возникшего в недрах русской культуры, выражен именно в русской культуре, тогда как его смысл в других культурах, например, в западной, упрощен и имеет мало общего со смыслом в родной культуре. Однако он мог быть адаптирован и к смыслам, сложившимся на основе иного опыта», – полагают авторы (с. 36). Несомненно, что анализ такого рода двусмысленного явления представляет как научный, так и практический интерес.

Исследование такой двусмысленности включает проблемы движущих сил возникновения большевизма, его динамику, его стремление вместить в себя общество, подчинив общество своим идеологическим программам и т. д. Здесь слились воедино и трагедии, и драмы, и комедии, имевшие тенденцию выйти на уровень мировой истории.

Авторы книги методично опровергают мнение, что власть большевиков в стране установилась только в результате насилия. Механизм победы большевизма в 1917 г. объясняется тем, что партия – как специфическое социокультурное целое, как субъект – оказалась способной подсказать разрушенному обществу такие ответы, которые представлялись приемлемыми для громадной массы людей. Эти «подсказки» люди воспринимали как свои собственные ответы, так как они давались на языке их (суб)культур, отвечали явным и скрытым массовым чаяниям, но это вовсе не означало, что эти ответы были эффективны и функциональны. Партия (авторы показывают это на многих примерах) внедрялась в общество через эмоционально нагруженные смыслы, слова, через имитацию массовой культуры. Тем самым партия большевиков, сохраняя свою относительную обособленность и в то же время проникая внутрь общества, сливалась с ним смыслами, становилась его реальным субъектом (пожалуй, лучше сказать тотемом).

Трагедия большевизма, по мнению исследователей, заключалась в том, что в России не было того, что ожидалось с точки зрения

классических идей марксизма, то есть не присутствовали в значимых масштабах смыслы, ведущие к послекапиталистическому обществу. Вместе с тем, в России циркулировали мощные значимые потоки смыслов, ведущих в далекое прошлое.

То обстоятельство, что большевизм оказался перед лицом архаичной культуры, а не развитого рабочего класса, выдвигает на первый план природу самой природы большевизма, причин его победы и механизма, его краха. Признание значимости архаизации потребовало от авторов иного представления об истории страны, иной концепции российской истории, иного отношения к исторической необходимости, ставящего под сомнение основу ленинского представления о социализме как необходимом послекапиталистическом периоде.

Авторы книги выявляют глубинные корни предбольшевизма. Для «слияния с массами» большевикам необходимо было умело манипулировать всеми элементами унаследованной культуры, что стало возможным лишь при опоре на утилитаризм, пропущенный через интеллигентскую интерпретацию. Успешность этого манипулирования зависела от эффективного отслеживания социокультурной ситуации, ее динамики. Это отслеживание стимулировало ориентацию на архаичные слои общества, что, впрочем, не мешало в особых ситуациях обращаться и к ценностям либерализма.

Что же касается утилитаризма, то он стал краеугольным принципом большевизма, реальной и в значительной степени скрытой основой формирования его идеологии, а следовательно и его деятельности. Авторы намечают исследование утилитаризма в России как особого нравственного идеала, которое, несмотря на исключительную важность, фактически не проводилось в нашей стране. Такое пренебрежение объясняется в значительной степени тем, что развитие утилитаризма как на элитарном, так и на массовом уровне расценивается как некая реализация мирового зла, как некий абсолютный негатив, который вроде бы и неприлично брать в качестве объекта изучения. Такое отношение может служить еще одной иллюстрацией, подтверждающей тот факт, что в русской культуре продолжает преобладать традиционализм. Авторы исследования, как нам кажется, весьма убедительно показывают, что именно утилитаризм явился наиболее динамичным культурным процессом в России, определяющим, в частности, динамику идеологии, мировоззрение интеллигенции, предбольшевизма и большевизма.

Сила утилитаризма, как показывают авторы рецензируемой работы, заключается, прежде всего, в его массовости, в том, что он медленно, но верно прорастает из народной среды вопреки различным идеологическим попыткам этому противостоять, будь то православная церковь с ее культом аскетизма, или коммунистическая идеология с ее борьбой против «потребительства», «приобретательства», «стяжательства». «Рост утилитаризма, – пишут авторы, – медленно изменяет страну, порождая в толще традиционализма сложные противопо-

речия, формируя для общества веер возможностей от катастрофы до процветания» (с. 176). Влияние же утилитарной нравственности на общество многообразно. Наиболее ярко оно проявляется в росте массовых потребностей, в разнообразии и качестве жизни, в росте требований к условиям жизни, к среде, что особенно наглядно демонстрирует последнее десятилетие. Авторы же книги иллюстрируют явление утилитаризма в России на многочисленных примерах роста утилитарных потребностей крестьян и рабочих конца XIX – начала XX веков. Особая глава посвящена интеллигентскому утилитаризму как культурной предпосылке большевизма (глава 9). Как образно замечено в книге, «душа» русской интеллигенции представляла собой лабораторию, в рамках которой формировалась модель будущей России. Социалистическая утопия, воображаемая радикальной интеллигенцией, была полна антиномичных смыслов. Их проект построения царства народного благоденствия на основе культивирования бедности и потребительских настроений был изначально ущербен. Идеология русской радикальной интеллигенции была идеологией застрявшего общества, проповедуемый ею путь развития был на самом деле дорогой в никуда.

Однако, как говорится в главе, посвященной интеллигентскому утилитаризму, форма, в которой культивировался этот утилитаризм, «хотя и была попыткой культивировать архаизацию, ориентацию на общинные локальные отношения, на абсолютизацию односторонне понимаемых ценностей простонародья, но одновременно в этом повороте содержался потенциал возможности усиления значимости в обществе утилитаризма...» (с. 244–245). Эти новые возможности открывали путь для появления нового движения, в котором можно проследить тенденции народнического нравственного идеала разночинной культуры, делающей разночинца фигурой предбольшевистской (глава 10).

В книге содержится развернутая характеристика разночинца как предбольшевика, абсолютизовавшего свой народнический нравственный идеал, свои ценности, что неизбежно приводило его к враждебному отношению к любым другим ценностям. Ожидание прихода новой эры для человечества, сформулированное как практический вопрос: «Когда же придет настоящий день?», то есть день, когда начнется реальное распространение идеала «маленького человека» на большое общество, предполагало идеологическую борьбу против тех, кто не принимал идеи революции, борьбы как против самодержавия, так и либерализма. Разночинец противостоял либералу, который не имел прочных корней в национальной культуре; в этом конфликте двух неравных сил авторам исследования видится одна из важнейших причин победы большевизма. Думается, что «виноват» в этом был не только разночинец, но и сам либерал, который, как это нередко водится в России, сам не мог избежать крайностей и использовать наличный культурный потенциал в своих целях.

Для понимания сущности большевизма авторы анализируют не только течения его непосредственных предшественников, подготовивших культурную основу будущих победителей Октября, но и социокультурное движение, которое было российской противоположностью большевизма (глава 11).

Понятие «срединная культура» ввел Бердяев. «Середина» определяется как отсутствие крайностей; что же касается ее содержания, то оно пока внятно не раскрыто. Логика, мышление, творчество Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова, по мысли авторов, «создавали новое нетрадиционное основание для развития российского общества, не связанного ни с соборными ценностями, ни с локализмом, ни с насилием, ни с гражданской войной» (с. 332). Осмысление их творчества как критики партиципационно-инверсионных оснований российской культуры («партиципация» определяется как стремление к крайностям и одновременно слабость тенденции к развитию «середины», «медиации») и как воплощение «срединной культуры» делает лишь первые шаги в этом направлении. В 90-х годах XX в. в понятия «партиципация», «инверсия», «медиация» было введено социокультурное содержание.

Медиационная логика мышления, прежде всего Пушкина, но и Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Чехова, тоска по медиации Достоевского и Толстого, элементы медиации, которые нетрудно усмотреть в произведениях лучших представителей русского символизма и модернизма – писателей, поэтов, художников, композиторов, режиссеров XX века, изучение проблем инверсии и медиации в науке – все это стало важным направлением в развитии российской культуры, в которой, по мысли авторов, вызревала и укреплялась альтернатива господству партиципации/инверсии. Читатель вправе принять или не принять концепцию «медиативности» творчества русских классиков, согласиться или не согласиться с ней, но нельзя не признать, что такое видение их творчества прослежено в рецензируемой работе весьма последовательно и логично.

Медиация была чужда большевизму, более того, она, как показывают авторы исследования, систематически доводила важнейшие решения до крайних экстремальных ситуаций, для нее был характерен отказ от взвешенности, от поиска меры, соразмерности условий, средств и целей. Это не было случайностью.

Именно посредством эмоционально-инверсионной логики можно было вызвать «энтузиазм масс», всеобщую активную поддержку. И дело не только в развале, разрухе российского общества времен первой мировой войны, но и в том, что в моменты кризиса обострялся раскол между полярными векторами динамики, вплоть до векторов цивилизационного развития (глава 15).

Авторы приходят к выводу, что своими идеями большевизм не внес сколько-нибудь существенного вклада в багаж концепций, познавательных конструкций, которые в чем-то существенно углубили

знания о России или об общественном устройстве вообще. Идеи, которые можно почерпнуть в трудах большевиков, являются собой различного рода гибриды манихейства, в конечном счете нацеленных на конъюнктурную «мобилизацию масс», но вовсе не на поиск истины (с. 576).

Большевизм – лишь одно из звеньев в длинной цепи истории России, подтверждающих вывод А.С. Ахиезера, сделанный им в монографии «Россия: критика исторического опыта», согласно которому «лежащая в основе каждого глобального периода некоторая исходная социокультурная клеточка всегда оказывалась лишь одним из полюсов, одной из реальных возможностей, которая периодически переходила в свою противоположность».³ Историческому развитию России всегда было присуще такое постоянное переворачивание исходной клеточки, обращение в рамках каждого периода к ее альтернативе.

Авторы исследования о большевизме подчеркивают, что исторический путь развития России невозможно понять на основе дихотомии «Восток–Запад». Вместо этого они прибегают к глубоко исторической оппозиции «либеральная – традиционная цивилизация». При таком подходе важной становится проблема перехода от одной цивилизации к другой. С точки зрения последствий для страны он может оказаться крайне болезненным или относительно безболезненным (совсем безболезненного, скорее всего не бывает). Но иной раз возникает ситуация, когда общество «застревает» в промежуточном состоянии, не будучи способно двинуться ни вперед, ни назад. Наше «застрявшее» общество продолжает, по мысли авторов, пребывать в той же неудобной позе. Российская история доказывает, что в идее замкнутых цивилизаций отсутствует всякий здравый смысл, ибо каждая культура существует лишь в процессе взаимопроникновения, постоянного диалога с человечеством, с иными культурами. Опыт российской истории весьма убедительно демонстрирует, что особую остроту это культурное проникновение приобретает именно в процессе перехода от традиционной к либеральной суперцивилизации, живыми свидетелями чего мы в современной России и являемся.

Россия в рецензируемой работе представлена не только сама по себе, со своими сугубо российскими проблемами и «страстями стравленными». Неким фоном ей служат остальной мир, западная цивилизация, которая для исследователей отнюдь не единое целое, а страны со своими особыми судьбами, характерными чертами. В таком контексте яснее и рельефнее вырисовывается российский феномен большевизма.

Авторам удается, кажется, «дойти до оснований, до корней, до сердцевины» многих процессов, связанных с социокультурной спецификой этого явления. Они смогли убедительно показать, как и почему в России был создан невиданный в истории химерический порядок, причудливым образом сумевший сочетать максимальную закрытость

³ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. – Новосибирск, 1997. – С. 676.

с попыткой создания индустриального и даже постиндустриального общества на дорыночной основе, на базе глубокой архаики, примитивных форм утилитаризма и т. д.

Авторы заставляют читателя задуматься над многими проблемами хорошо знакомой истории, часто провоцируя на нетривиальный ход мыслей. Книга любопытна как резервуар идей об идеях. Но чтение ее не из легких. И, конечно, не потому, что она перегружена мыслями (перегрузка мыслями недостатком быть не может, были бы мысли), – книга усложнена, перегружена часто неоправданными запутанными грамматическими оборотами и конструкциями. Она несомненно выиграла бы от сокращения повторов, упрощения затуманенных предложений, замены заумных слов (вроде, «симультанный» – не проще ли «одновременный») и т. д.